

Введение въ церковную археологію.

(Изъ лекцій † проф. А. П. Голубцова).

(Окончаніе).

II.

Гдѣ, когда и кѣмъ положено начало собранію и изученію памятниковъ христіанскаго искусства? Замѣчательнѣйшіе изъ западныхъ музеевъ христіанскихъ древностей. Собранія русскихъ церковныхъ древностей. Система монументальнаго богословія проф. Пипера.

Отвѣчая на вопросъ о средствахъ, которыми располагаетъ наука церковныхъ древностей, я долженъ сказать, что церковная археологія, есть явленіе сравнительно молодое, и что она далеко отстала отъ другихъ богословскихъ отраслей, и раньше начавшихъ свое историческое поприще и скорѣе достигшихъ обработки. Въ этомъ отношеніи была особенно несчастлива именно исторія церковнаго искусства. Какъ-то долго люди науки не могли додуматься до признанія важности изученія памятниковъ христіанскаго богослуженія; да кромѣ того собраніе и приобрѣтеніе ихъ требовало большихъ расходовъ, было соединено съ затрудненіями, которыя отталкивали научную любознательность и способны были охладить самое настойчивое усердіе. Успѣху монументальныхъ работъ немало мѣшала исключительная, церковная точка зрѣнія, съ которой смотрѣли на задачи церковной археологіи ея случайные дѣятели.

Занятія церковными древностями начались съ эпохи Возрожденія, и въ эту собственно пору положены были первые зачатки собранія и научнаго изученія памятниковъ хри-

христіанскаго искусства. Но такъ какъ вкусы того времени тяготѣли къ искусству и литературѣ классическаго греко-римскаго міра, то памятники искусства церковнаго затрогивались лишь мимоходомъ, случайно, — когда на нихъ наталкивались при поискахъ за антиками. Переселеніе многихъ ученыхъ грековъ въ Италію послѣ катастрофы, постигшей Константинополь въ 1453 году, было возбуждательнымъ мотивомъ къ занятію этимъ предметомъ. Въ числѣ первыхъ эмигрантовъ изъ Константинополя оказалось немало людей науки, владѣвшихъ не только въ совершенствѣ греческимъ языкомъ, но и знаніемъ классической древности вообще. Принятые съ полнымъ радушіемъ въ Италію, они сдѣлались учителями въ высшихъ школахъ Рима, Флоренціи, Болоньи и нѣкоторыхъ другихъ городовъ и повели дѣло съ такимъ усердіемъ, что довольно скоро приобрѣли себѣ достойныхъ учениковъ и продолжателей, а черезъ нихъ пропагандировали изученіе классическихъ древностей не только въ самой Италіи, но во Франціи и Германіи. Подъ вліяніемъ этихъ стремленій, итальянскіе ученые предпринимали многочисленныя путешествія для отысканія памятниковъ искусства, ѣздили по соборамъ, церквамъ и монастырямъ, посѣщали бібліотеки и архивы и отовсюду извлекали предметы старины. Болѣе систематическіе труды по части христіанскаго искусства начались съ Рима и его памятниковъ. Онуфрій Панвиніо первый занялся описаніемъ базиликъ Рима, а безсмертный Бозіо, какъ я уже упоминалъ о томъ, отважился проникнуть въ римскія катакомбы и привелъ въ извѣстность массу древне христіанскихъ памятниковъ первоначальнаго зодчества, фресковой живописи и скульптуры, съ которыхъ собственно и началась научная разработка исторіи христіанскаго искусства. По слѣдамъ этихъ труженниковъ шли ихъ продолжатели. Не довольствуясь находками, они стали составлять изъ нихъ собранія, и небогатые на первый разъ коллекціи антиковъ послужили основаніемъ для обширныхъ музеевъ, которые стали появляться на Западѣ съ половины XVII вѣка. Изъ многихъ учрежденій этого рода слѣдуетъ назвать и въ самыхъ общихъ чертахъ познакомиться съ нѣкоторыми, болѣе замѣчательными по количеству и качеству собраннаго въ нихъ монументальнаго матеріала. Во главѣ ихъ и по старшинству и по со-

держанію безспорно нужно поставитъ Ватиканскій музей въ Римѣ. Онъ былъ основанъ въ половинѣ позапрошлаго вѣка папою Венедиктомъ XIV (1740—1758). Помимо громаднаго количества художественныхъ и бытовыхъ произведеній греко-римскаго міра, въ составъ его вошли преимущественно памятники искусства, извлеченные Антоніемъ Бозіо и его многочисленными продолжателями изъ катакомбъ, а самое учрежденіе музея совпало съ временемъ новаго изслѣдованія римскихъ подземелій, произведеннаго Боттари. Это самое богатое и цѣнное собраніе предметовъ христіанской древности. Здѣсь всѣ памятники—древне-христіанскіе саркофаги, надгробныя плиты, дѣлтихи и т. д. и т. д.—въ оригиналахъ и даютъ изслѣдователю такой обширный матеріалъ, котораго не отыщешь нигдѣ болѣе. Этотъ музей постоянно затѣмъ пополнялся, и, когда въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія теперь уже покойный де-Росси предпринялъ свое изслѣдованіе римскихъ катакомбъ, прежнее помѣщеніе Ватикана оказалось недостаточнымъ, и папа Пій IX въ 1854 г. открылъ новое отдѣленіе въ Латеранскомъ дворцѣ, вѣдствіе чего этотъ отдѣлъ въ отличіе отъ Ватиканскаго музея называется Латеранскимъ. Сюда вошли многочисленныя эпитафическія коллекціи, остатки фресковой живописи, множество надгробныхъ камней съ рельефными изображеніями символическаго и историческаго характера—главнымъ образомъ, предметы, добытые изслѣдованіями папера Марки и его даровитѣйшаго ученика Росси, а изъ Ватиканскаго музея перемѣщена часть богатой коллекціи древне-христіанскихъ саркофаговъ и знаменитая статуя Исполита Римскаго. Римскій музей, основанный еще въ XVII вѣкѣ іезуитомъ Кирхеромъ, извѣстенъ ученому міру своею богатѣйшею коллекціей древне-христіанскихъ лампочекъ, мраморной статуеткой Добраго Пастыря и каррикатурнымъ изображеніемъ распятаго съ ослиной головой. Не говоримъ уже о томъ, что, помимо названныхъ собраній, весь „вѣчный городъ“ въ его цѣломъ, Римъ подземный съ его неисчерпаемыми богатствами древне-христіанскаго быта и искусства и подземный съ его базиликами, блестящими драгоценными мраморами, представляется намъ единственнымъ въ своемъ родѣ и ни съ чѣмъ не сравнимымъ прежде всего церковно-археологическимъ музеемъ.

Во Франціи и Германіи изученіе христіанскаго искусства долго не возбуждало такого широкаго интереса, какъ въ Италіи, а потому и музеи являются здѣсь позже. По своему составу и содержанію они относятся или къ востоку и древне-классическому міру или къ средневѣковой эпохѣ и заключаютъ главнымъ образомъ памятники романо-византійской эпохи, нѣмецкой готики и стиля возрожденія. Имѣя больше мѣстное значеніе—для христіанской археологій Франціи и Германіи, для насъ потому они не особенно важны. Но зато въ Берлинѣ есть образцовое учрежденіе этого рода, приспособленное къ систематическому, строго-научному изученію христіанскаго искусства и, несмотря на отсутствіе оригинальныхъ произведеній, заслужившее себѣ европейскую извѣстность. Разумѣю относительно небольшой музей христіанскихъ древностей при Берлинскомъ университетѣ. Инициатива этого учрежденія и дальнѣйшіе труды его по его устройству принадлежали извѣстному берлинскому профессору Шперу въ сообществѣ нѣкоторыхъ западныхъ ученыхъ, содѣйствовавшихъ учредителю своими трудами и отчасти матеріальными средствами. Опираясь на эти средства, Шперъ уже въ 60 гг. прошлаго столѣтія видѣлъ свое предпріятіе осуществленнымъ и прочно обезпеченнымъ въ своей дальнѣйшей будущности. Такъ какъ этотъ музей образцовый и лучше другихъ соотвѣтствуетъ цѣлямъ научнаго изученія христіанскаго искусства, то я и остановлюсь нѣсколько подробнѣе на передачѣ его содержанія.—Расположеніе предметовъ искусства въ музей сдѣлано опытною рукой, а главное проникнуто живою историческою мыслью, проведенною систематически въ общемъ планѣ и деталяхъ этого замѣчательнаго учрежденія, представляющаго какъ бы очеркъ христіанской культуры по монументальнымъ даннымъ. Первый отдѣлъ музея носитъ названіе „преддверія христіанства“ и изображаетъ переходный моментъ отъ политеизма къ монотеизму, насколько онъ отразился въ произведеніяхъ послѣдней эпохи языческаго греко-римскаго міра. Здѣсь помѣщены памятники античнаго искусства, въ которыхъ обнаруживается возвышеніе религіознаго сознанія отъ грубой политеистической формы представленія къ единобожію, и въ которыхъ какъ бы отразилось предчувствіе христіанскаго откровенія. Здѣсь размѣщены картины помпейянской живописи, снимки

съ монетъ, геммъ и надписей на различныхъ предметахъ античнаго искусства, какъ напр.: „Высочайшему Богу, вѣчному Богу“, также изображенія богинь вѣчности и провидѣнія. Бюсты греческихъ и римскихъ философовъ, возвышавшихся надъ представленіями народной религіи, дополняютъ содержаніе этого руководительнаго отдѣла и переводятъ зрителя къ главному, т. е. древне-христіанскому. Сюда вошли прежде всего надгробныя надписи, извлеченныя изъ катакомбъ, снятыя съ саркофаговъ Рима, Флоренціи, Германіи и Франціи. За этимъ эпиграфическимъ отдѣломъ располагается отдѣлъ церковной архитектуры съ дополняющими его предметами утвари. Здѣсь помѣщены планы и модели важнѣйшихъ произведеній церковнаго зодчества, начиная съ катакомбныхъ криптъ до позднѣйшихъ произведеній романскаго и готическаго стилей. Рядомъ съ архитектурнымъ отдѣломъ идетъ серія памятниковъ христіанской живописи и скульптуры. Этотъ чрезвычайно любопытный отдѣлъ заключаетъ множество снимковъ и оригиналовъ, начиная самую древнюю эпоху христіанства до памятниковъ средневѣковой живописи и произведеній итальянской школы. Въ параллель съ этимъ размѣщено тамъ и здѣсь большое количество снимковъ съ миниатюръ на древнихъ рукописяхъ и образцы палеографическіе. Говоря вообще, Берлинскій музей не богатъ количествомъ собранныхъ предметовъ и имѣетъ очень немного оригиналовъ, такъ что въ этомъ отношеніи онъ уступаетъ не только извѣстнѣйшимъ музеямъ Италіи, Англіи и Франціи, но, можетъ быть, и нѣкоторымъ частнымъ собраніямъ. Но то, что даетъ ему особенное значеніе въ ряду другихъ,—это планъ его устройства и строгая систематичность, благодаря которымъ Берлинскій музей является образцомъ научно-устроенныхъ собраній этого рода и можетъ служить къ наглядному ознакомленію не только съ замѣчательнѣйшими образцами, но и цѣлыми эпохами христіанскаго искусства.

Что касается до собраній древностей, находящихся у насъ, то они состоятъ болѣею частью изъ предметовъ старорусскаго быта и церковнаго искусства и изъ весьма немногихъ памятниковъ византійскихъ. Связь между тѣми и другими понятна сама собой, и о ней я распространяться не буду. Замѣчу только, что предметы нашей родной старины

еще далеко не всё приведены въ извѣстность и описаны, а главное разсѣяны по церковнымъ, монастырскимъ и соборнымъ ризницамъ, по музеямъ археологическихъ обществъ и институтовъ, епархіальныхъ церковно-археологическихъ комитетовъ и губернскихъ архивныхъ комиссій, по магазинамъ антикваріевъ и домамъ частныхъ владѣльцевъ-любителей древностей. Для знакомства съ церковнымъ искусствомъ на Руси особенно важны цѣльныя собранія церковныхъ древностей при Академіи Художествъ, Музеѣ Императора Александра III, Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ и Кіевской Духовной Академіи. Изъ коллекцій византійско-русской старины, собранныхъ въ Румянцевскомъ музеѣ, особеннаго вниманія церковнаго археолога заслуживаютъ собраніе иконъ и утвари, привезенное съ православнаго востока Севастьяновымъ, и многочисленныя снимки съ миниатюръ замѣчательнѣйшихъ Аѳонскихъ рукописей. Необычайно быстро, благодаря главнымъ образомъ щедрымъ пожертвованіямъ частныхъ лицъ, развившіяся археологическіи музеи при Кіевской Академіи всегда будутъ возбуждать глубокій интересъ въ церковныхъ археологахъ своею богатой коллекціей въ высшей степени разнообразныхъ, рѣдкихъ и дорогихъ древнегреческихъ и русскихъ иконъ. Нечего и говорить, что Синодальная ризница въ Москвѣ представляетъ богатѣйшее собраніе подлинныхъ предметовъ церковной утвари и облаченія, начиная съ XIV вѣка; особенно же ихъ много отъ періода патриаршаго. Однородныя съ нею собранія находятся въ ризницахъ лавръ Троице-Сергіевской и Кіево-печерской, Кіево-Софійскаго и Новгородскаго Софійскаго соборовъ и въ нѣкоторыхъ другихъ церковныхъ хранилищахъ. Здѣсь безспорно уцѣлѣли драгоцѣнныя памятники нашей церковной старины, по которымъ наглядно представляешь себѣ обстановку нашего стариннаго богослуженія, бытъ высшаго духовенства и монашества и много другихъ явленій нашей церковной жизни.

Но всё эти наши собранія носятъ мѣстный, условный отпечатокъ и не даютъ понятія о ходѣ искусства на Руси, о движеніи нашей культурной жизни. Для этой послѣдней цѣли, очевидно, нужны собранія систематическія или научно-организованныя музеи, сила которыхъ не въ количествѣ матеріала, но въ его подборѣ, не въ числѣ оригиналовъ, а въ

последовательномъ расположеніи слѣпковъ, снимковъ и фотографій, воспроизводящихъ наиболѣе типичные памятники минувшей жизни. Въ этомъ отношеніи можетъ оказать важную услугу нашей исторической и церковно-археологической наукѣ открытій въ маѣ 1883 года Императорскій Россійскій Историческій музей въ Москвѣ. Въ настоящемъ своемъ видѣ онъ не оправдываетъ еще вполне плана, по которому былъ задуманъ, но все же представляетъ весьма солидное начало осуществленія положенной въ его основу грандіозной мысли „наглядно изобразить русскую церковную и бытовую жизнь посредствомъ вещественныхъ памятниковъ, сохранившихся на русской почвѣ“. Въ настоящее время открыто лишь 13 залъ. Собранные въ первыхъ пяти залахъ предметы обнимаютъ культуру первобытныхъ насельниковъ теперешней территоріи Россіи; по ряду предметовъ, бывшихъ въ употребленіи у нихъ за этотъ доисторическій періодъ, эпоха эта извѣстна въ наукѣ подъ именемъ каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣка. Далѣе, въ 6-ой залѣ, идутъ памятники эллино-скифскіе или остатки могильныхъ сооруженій и предметовъ утвари, принадлежавшихъ варварскимъ племенамъ, кочевавшимъ въ южныхъ степяхъ Россіи; за ними слѣдуютъ въ музеѣ памятники быта и искусства греческихъ племенъ, иѣкогда населявшихъ наше Черноморье. Эти поселенія образовались изъ греческихъ колоній, которыя выселились на берега Эвксинскаго понта для торговыхъ сношеній, завели здѣсь конторы, гавани и перенесли культуру своей родины. Первые слѣды ихъ относятся къ VII в. до Р. Х., а самыми древними изъ этихъ поселеній были Пантикалея у Керченскаго пролива и Ольвія при устьяхъ Буга.

Христіанскіе памятники (въ залѣ В) начинаются находками на мѣстѣ древняго Херсониса, находившагося совсѣмъ неподалеку отъ нынѣшняго Севастополя. Херсонисъ, гдѣ крестился св. Владиміръ, былъ передаточнымъ пунктомъ, черезъ который церковная жизнь и богослужебная обрядность Византіи перешла на Русь, и, когда Владиміръ Святой построилъ въ Кіевѣ свою знаменитую Десятинную церковь, то, выражаясь словами лѣтописца, „вдалъ въ нее, все, еже бѣ взялъ изъ Корсуни: иконы, сосуды и кресты“. Восточная окраина Черноморья (зала Б) или теперешнее наше

Закавказье была тоже занята греческими поселеніями, хотя и не такъ густо, какъ его сѣверный берегъ. Но нѣкоторыя мѣстности Закавказья, напримѣръ Пшцунда и Кутансь, сохранили и до сихъ поръ остатки древне-греческаго христіанства въ каменныхъ крестахъ, въ разнаго рода развалинахъ архитектурныхъ памятникахъ, напр., въ Кутанескомъ соборѣ, выстроенномъ въ половинѣ XI вѣка.

Но памятники церковнаго искусства на Руси древнѣйшей эпохи не были нашимъ національнымъ произведеніемъ: они взяты или готовыми изъ Византіи, или представляютъ ихъ подражаніе. А византійскіе памятники съ своей стороны составляютъ продолженіе, видоизмѣненіе и переработку формъ искусства древне-христіанскаго. Поэтому для сознательнаго изученія древне-русскаго искусства необходимо привести и поставить его въ связь съ этими древнѣйшими прототипами. Этой послѣдней цѣли собственно и должна служить круглая зала (А) въ Историческомъ музеѣ, напоминающая своей архитектурой храмъ св. Софіи въ Константинополѣ. Зала эта и по сіе время далеко не заполнена, и въ ея составѣ чувствуются очень крупныя пробѣлы, но и то, что успѣли сдѣлать для ея пополненія, заслуживаетъ серьезнаго вниманія въ научномъ отношеніи. Въ куполѣ этой ротонды, въ простѣнкахъ между верхними окнами, находятся лицевыя изображенія изъ катакомбъ, въ сводахъ съ ихъ парусами—снимки съ нѣкоторыхъ равненскихъ мозаикъ и нѣсколько изображеній изъ св. Софіи Константинопольской. Здѣсь же, посрединѣ залы, красуется выше названная нами статуя Ипполита Римскаго, до сихъ поръ нигдѣ еще не воспроизведенная въ слѣпкѣ, саркофагъ Юнія Басса половины IV вѣка изъ крипты св. Петра въ Римѣ и еще нѣсколько образцовъ того же рода изъ Латеранскаго музея. Дальнѣйшія приобрѣтенія позволяютъ надѣяться, что эта зала сослужитъ хорошую службу для занимающихся церковной археологіей и дастъ снимки съ такихъ предметовъ, которые не для всѣхъ доступны даже и на мѣстѣ находженія ихъ подлинниковъ. Послѣдующія двѣ изъ открытыхъ залъ (7 и 8) заняты главнымъ образомъ памятниками Кіевской Руси. Въ одной изъ нихъ помѣщены предметы древности съ 988 г., т. е. года крещенія Руси, до 1054 года—смерти Ярослава I; во второй—съ 1054 года до 1125 года, заканчивая княженіемъ.

Мономаха. Изъ предметовъ, собранныхъ въ нихъ, заслуживаютъ особеннаго вниманія превосходно исполненныя копии съ мозаическихъ изображеній Кіево-Софійскаго собора, какъ: Тайная вечеря подъ двумя видами, Благовѣщеніе, на которомъ Богородица изображена съ клубкомъ пурпуровой пряжи въ рукѣ и веретенемъ, слѣпокъ съ древняго колокола, найденнаго въ Десятинной церкви, гробница Ярослава Мудраго, калыки съ жанровой стѣнописи въ притворѣ Кіево-Софійскаго собора, изображающей, повидимому, эпизоды велико-княжеской охоты и нѣкоторыя сцены изъ византійскаго цирка. Послѣднія 5 залъ заняты памятниками Великаго Новгорода со Псковомъ, Владиміро-Суздальской области и Москвы.

Высокій интересъ, котораго достигло изученіе церковнаго искусства, вызвалъ длинный рядъ выдающихся трудовъ на Западѣ и у насъ по этой части, благодаря которымъ литература нашего предмета обогатилась капитальными пособиями. Не будемъ перечислять этихъ замѣчательныхъ произведеній учености, трудолюбія и симпатій къ церковнымъ древностямъ, но остановимся на одномъ изъ нихъ, въ которомъ лучше другихъ на мой взглядъ, выяснено важное значеніе памятниковъ церковнаго искусства для изучающаго христіанское богослуженіе и вообще богословіе, и обозначился, такъ сказать, кульминаціонный пунктъ, до котораго можетъ подняться, дойти наша специальность въ своемъ историческомъ развитіи. Говоря это, разумѣю „Введеніе въ монументальное богословіе“ проф. Пипера, въ которомъ проектированъ былъ въ свое время смѣлый планъ построения науки церковныхъ древностей ¹⁾. Подъ археологическими памятниками берлинскій профессоръ разумѣлъ все вообще вещественныя данныя, которыя обязаны своимъ происхожденіемъ христіанскому сознанию и могутъ служить выраженіемъ религіозной жизни христіанскаго общества въ разныя эпохи его существованія. Но это не есть исторія христіанскаго искусства, какъ понимали до него археологію систематики съ легкой руки изслѣдователей античной жизни, — а скорѣе исторія внутренней жизни и культурныхъ отношеній по монументальнымъ остаткамъ прошлаго. Задача изслѣ-

¹⁾ *F. Piper, Einleitung in die monumentale Theologie, 1867, ss. 54—69.*

дователя ихъ, по воззрѣнію Пипера, состоитъ не въ характеристикѣ формъ искусства и опредѣленіи техники, стилей и исторіи производствъ, а въ тѣхъ выводахъ и приложенияхъ къ христіанской наукѣ, которыя могутъ быть сдѣланы на основаніи этихъ памятниковъ. Въ этомъ пунктѣ монументальнаго богословія лежитъ центръ тяжести всей системы Пипера и окончательные выводы изъ богатаго матеріала христіанскихъ древностей, тщательно имъ сгруппированныхъ. Церковная архитектура съ ея стилями входитъ въ эту часть преимущественно своей символикой. Приложение церковной живописи или иконографіи гораздо шире и значительнѣе. Предметы церковной иконографіи, какъ извѣстно, очень разнообразны, и ея содержаніе заимствуется частію изъ Библіи, частію изъ исторіи церковной до послѣднихъ временъ и событій церковной жизни. Благодаря этому широкому содержанію, иконографія даетъ богатый матеріалъ для исторіи Царства Божія на землѣ и уясняетъ множество предметовъ, относящихся къ области вѣроученія и морали. Уже Іоаннъ Дамаскинъ въ своемъ словѣ объ иконахъ сравнивалъ ихъ съ переводами и толкованіями писанія. Нѣтъ нужды говорить, сколько услугъ могутъ оказать въ этомъ отношеніи нумизматика и эпитафника, разумѣется, христіанскаго періода. Въ нихъ заключается обильный источникъ для характеристики перво-христіанскихъ воззрѣній на загробную жизнь, на почитаніе святыхъ, для уясненія первоначальныхъ отношеній христіанъ къ языческому обществу и многое другое. Этотъ матеріалъ уже давно сталъ обращать вниманіе западно-европейскихъ ученыхъ и вызвалъ со стороны нѣкоторыхъ изъ нихъ мысль о построеніи особенной науки подъ именемъ „*Theologia lapidaris*“. Возвращаясь къ труду Пипера, я долженъ замѣтить, что онъ ограничился однимъ введеніемъ и не былъ подвинутъ впередъ ни на шагъ. Правда, въ этомъ введеніи были положены солидныя основы новой науки, но самое зданіе ея не было начато, и вотъ причина, почему эта смѣлая и, можно сказать, гениальная мысль, облетѣвъ въ свое время ученую среду, теперь какъ бы замерла и отошла со смертію автора въ область попытокъ, правда серьезныхъ, но не оправдавшихся на дѣлѣ. Да всестороннее оправданіе этого плана едва ли и возможно при наличныхъ средствахъ, которыми располагаетъ теперешняя наука церков-

ныхъ древностей, при далеко еще не законченномъ собраніи ея матеріаловъ.

III.

Почему церковное зодчество должно служить исходнымъ началомъ чтеній по исторіи церковнаго искусства?—Краткій обзоръ до-христіанскихъ культовыхъ сооружений; мегалитическіе памятники, обрядовыя формы домашняго богослуженія, особенности устройства первобытныхъ храмовъ, греко-римскіе храмы.

Изученіе различныхъ отраслей христіанскаго искусства мы начнемъ съ архитектуры, не потому впрочемъ, чтобы этотъ родъ искусства въ самомъ началѣ имѣлъ видныхъ представителей въ христіанскомъ мірѣ и на первыхъ же порахъ лаялъ прочную почву для своего развитія. *Этого не было*, и надобно сознаться, напротивъ, что въ первые вѣка христіанства эта отрасль искусства была поставлена въ очень невыгодныя условія для своего развитія вслѣдствіе стѣсненнаго положенія христіанъ въ греко-римскомъ мірѣ и преобладанія между ними, такъ сказать, домашняго и какъ бы семейнаго богослуженія. Я беру церковное зодчество за исходную точку своихъ чтеній по исторіи христіанскаго искусства, имѣя въ виду особенное значеніе храма для богослуженія, а слѣдовательно и для всѣхъ тѣхъ формъ искусства, которыя съ богослуженіемъ неразрывно связаны. Храмъ, въ какомъ бы несовершенномъ видѣ мы ни стали представлять его себѣ, есть постоянное средоточіе литургической практики, какъ бы она ни была проста и малосодержательна: эта послѣдняя, т. е. богослужебная практика, развивается во всей широтѣ только тамъ, гдѣ существуютъ постоянныя мѣста молитвенныхъ собраній, и гдѣ единичное религіозное чувство получаетъ характеръ общественный. Можно, конечно, представлять себѣ религію и безъ храмовъ, но эта религія всегда будетъ бѣдна внѣшнею обстановкою, и въ области такого отвлеченнаго, внутренняго богопоклоненія нѣтъ мѣста для искусства и обрядовыхъ символическихъ формъ. Какъ, на примѣръ, можетъ развиваться внѣ храма церковная живопись? Къ чему, при его отсутствіи, могутъ примкнуть или гдѣ найдутъ себѣ точку опоры многія другія отрасли искусства? Гдѣ найдеть себѣ мѣсто и усовершенствуется самый богослужебный обрядъ? Исторія человѣчества рядомъ серьез-

ныхъ фактовъ, въ видѣ монументальныхъ остатковъ его давно минувшаго быта, убѣждаетъ насъ въ той исторической аксіомѣ, что первые проблески искусства приурочивались къ первымъ памятникамъ религіозности, были ли то могилы, жертвенники или идолы въ видѣ грубо отесанныхъ камней.—Но, прежде чѣмъ религіозное сознаніе дошло до идеи храма въ его законченномъ видѣ, прежде чѣмъ богослуженіе развилось настолько, чтобы вызвать необходимость систематически устроенныхъ зданій этого рода, искусство должно было пройти черезъ цѣлый рядъ формъ, въ которыхъ постѣдовательно и мало-по-малу выражалась религіозная идея, и постепенно слагался и выросталъ образецъ храма со всеми его литургическими приспособленіями. Работа человѣчества надъ созданіемъ этого святилища длилась цѣлыя тысячелѣтія; едва ли не каждое поколѣніе клало свой новый камень въ это величественное зданіе, пока не выработало его идеальнаго типа, который, какъ мы представляется, осуществился всего полнѣе и цѣлостнѣе въ христіанскихъ храмахъ цѣтущей эпохи церкви.—Но это уже конецъ пути, пройденнаго самимъ христіанскимъ храмомъ: всмотримся, насколько позволяетъ даль почти 19-ти вѣковъ, въ его начало и постараемся уяснить себѣ прежде всего то, какъ отнеслось христіанство къ храмовымъ, и вообще архитектурнымъ типамъ, выработаннымъ до-христіанскимъ міромъ, чѣмъ и какъ воспользовалось оно, и съ чего собственно началась исторія христіанскаго храма, намѣтимъ хотя главные пункты этой сложной многовѣковой религіозно-строительной работы.

Первобытная эпоха человѣчества болѣе извѣстна намъ по догадкамъ и болѣе или менѣе вѣроятнымъ соображеніямъ, чѣмъ по достовѣрнымъ даннымъ. О жизни и начальныхъ внѣшнихъ формахъ богослуженія первобытнаго человѣка мы знаемъ или по аналогіи съ бытомъ теперешнихъ некультурныхъ племенъ, или по позднѣйшимъ сравнительно историческимъ отзывамъ; вещественные же остатки его быта проясняютъ судьбу архаическаго храма лишь въ самой слабой степени. Въ начальной стадіи религіознаго сознанія по-видимому вся природа была тѣмъ обширнымъ храмомъ, въ которомъ божество являлось первобытному человѣку, проявляло свою силу, и гдѣ оно обитало, по его представленію.

Самъ живя подъ открытымъ небомъ или гдѣ-нибудь въ пещерѣ или землянкѣ, онъ не привязывалъ, какъ кажется, прочно своихъ религіозныхъ представленій къ определенному мѣсту и потому былъ далекъ еще отъ мысли о храмѣ. Но со временемъ онъ пытался, какъ бы сказать, локализовать свои религіозныя представленія, приурочиваетъ присутствіе божества непременно къ извѣстнымъ мѣстамъ, которыя и становятся первыми центрами богослуженія, прототипами въ нѣкоторомъ смыслѣ позднѣйшихъ храмовъ или, лучше сказать, ихъ фундаментомъ и краеугольнымъ камнемъ. Эти мѣста человекъ старался отличить, отмѣнить какимъ-либо видимымъ знакомъ, посвящать ихъ божеству и приспособлялъ ихъ къ отправленію своихъ религіозныхъ обрядовъ. Такимъ образомъ закладывалось, кажется намъ, первое основаніе храма. Легко понять отсюда ту тѣсную связь, въ которой стояла первая идея храма или святилища съ возникновеніемъ религіозной обрядности и появленіемъ первыхъ устойчивыхъ знаковъ набожности. Но съ другой стороны и первый камень храмового зданія есть результатъ присущей человѣку потребности выразить свое религіозное чувство во внѣшнихъ формахъ: отнимите у него эту потребность, ограничьте область его религіозной жизни однимъ сознаніемъ божества,— и ему не будетъ надобности приходить для своихъ сношеній съ божествомъ на условное мѣсто, тѣмъ меньше—ставить на немъ какое-либо его изображеніе или жертвенникъ.

Разнообразными соображеніями или, лучше сказать, впечатлѣніями руководился первобытный человекъ въ выборѣ мѣста и обстановки для своихъ религіозныхъ отправленій,— и, конечно, выдающіяся явленія природы, воспоминанія о знаменательныхъ приключеніяхъ, совершившихся здѣсь или тамъ, наконецъ, общія символическо-поэтическія представленія, опредѣляли такой выборъ и прикрѣпляли религіозное сознаніе къ готовымъ центрамъ. Дремучій лѣсъ съ его тайнами, широко раскинувшіяся многолѣтнія деревья, пещеры и гроты въ мѣстностяхъ гористыхъ, берега рѣкъ и озеръ— притягивали религіозное чувство человека и указывали ему мѣсто для жертвенника. Отъ этой эпохи сохранился для насъ образецъ храма въ такъ называемомъ жертвенникѣ и могильномъ камнѣ. Иногда тотъ и другой смѣшивались, по

иногда существовали отдѣльно, и это обособленіе сдѣлалось особенно замѣтнымъ въ эпоху болѣе развитаго религіознаго культа. Я не буду приводить тѣхъ мѣстъ изъ Библии, которыя указываютъ на существованіе и религіозное употребленіе жертвенника во времена патриархальныя, ни указывать на многочисленныя данныя этого рода культовой практики въ мірѣ языческомъ. Преданія объ этихъ временахъ еще сохранились на памяти исторіи; средневѣковой бытъ, извѣстія древнихъ западныхъ миссіонеровъ, свидѣтельства нашихъ лѣтописей и множество другихъ историческихъ памятниковъ говорятъ намъ, что примитивный жертвенникъ очень долго держался въ до-христіанскомъ быту народовъ и упорно отказывался уступить свое мѣсто влиянію проповѣдниковъ христіанства. Въ постановленіяхъ церковной власти и въ извѣстіяхъ лѣтописцевъ мы то и дѣло находимъ указанія на *arbores, saxa, lapides, fontes* (деревья, скалы, камни, ручьи), которые служили притомами культа у народовъ средней Европы, съ жрецами и кровавыми жертвами, съ цѣлымъ строемъ обрядовъ. До насъ сохранились и живые свидѣтели этого культа въ разнаго рода погребальныхъ и жертвенныхъ сооруженіяхъ первобытнаго человѣка. Уже давно они обращали на себя вниманіе историковъ и туристовъ, но научная обработка и классификація ихъ началась недавно, а еще позднѣе уяснилось ихъ первоначальное назначеніе.

Самое древнее, что мы имѣемъ для знакомства съ этими памятниками, принадлежитъ къ такъ называемымъ мегалитическимъ сооруженіямъ. Мегалитическіе памятники, понимаемые въ широкомъ смыслѣ этого слова, обнимаютъ древнѣйшія сооруженія человѣка, сдѣланныя изъ огромныхъ камней и имѣвшія погребальное или жертвенное назначеніе. Они сложены безъ цемента изъ огромныхъ плитъ или каменныхъ массъ и получили подъ рукою человѣка лишь слабую обработку и самое примитивное техническое приспособленіе. По своему происхожденію они относятся къ доисторическому быту человѣчества и составляютъ первые памятники его религіознаго зодчества. „Хотя въ нихъ нѣтъ еще стремленія къ художественной отдѣлкѣ или тонкому изящному вкусу, замѣчаетъ одинъ русскій ихъ изслѣдователь, а проявляются лишь слѣды непомѣрныхъ усилій, потраченныхъ на грубое сооруженіе, по общій характеръ этихъ ка-

меньшихъ массъ поражаетъ дикимъ величіемъ. Невольно удивляешься тому неизвѣстному народу, который одними руками, быть можетъ, безъ помощи механическихъ орудій, въ состояніи былъ передвигать эти огромныя массы и громоздить ихъ одну на другую. Понятнымъ становится, смотря на огромную величину плитъ и колоссальныя обломки дикаго камня, отчего народное воображеніе приписывало эти первобытныя сооруженія великанамъ“ ¹⁾. — Въ географическомъ отношеніи область этихъ памятниковъ очень широка; она обнимаетъ сѣверную и среднюю полосу западной Европы, южный край Россіи, затѣмъ перебирается за Уралъ и Алтай и захватываетъ часть Новаго Свѣта, а по своимъ представителямъ распадается на нѣсколько классовъ.

Познакомимся съ простѣйшими и болѣе извѣстными формами этихъ монументальныхъ сооруженій. Самыми древними между ними надобно считать пещеры. Онѣ представляли для первобытнаго человѣка готовое убѣжище, служившее и жильемъ, и защитой, и похороннымъ склепомъ. Здѣсь находили много остатковъ его архаическаго быта, въ видѣ кремневыхъ или каменныхъ орудій, какъ-то: топоровъ, ножей, стрѣлъ, копій и нѣкоторыхъ предметовъ изъ бронзы, какъ-то: колець, шейныхъ украшеній и другихъ предметовъ домашняго быта. Въ нѣкоторыхъ пещерахъ уже замѣтны слабыя слѣды орнаментаціи. Готовое помѣщеніе, данное природою, первобытныи человѣкъ старался украшать и убирать, накладывая такимъ образомъ свою печать на произведеніе природы. Онъ покрывалъ письменами или, лучше сказать, нарѣзами и геометрическими рисунками стѣны этихъ неприхотливыхъ помѣщеній; здѣсь находимы были, хотя и изрѣдка, грубыя изображенія животныхъ и рыбъ, нацарапанныя на камнѣ или на кости острымъ орудіемъ. Эти первобытныя пещеры были заняты потомъ людьми высшей и, говоря относительно, уже культурной расы, которая въ этихъ экскаваціяхъ сдѣлала могильники и примѣнила подземные гrotты къ устройству храмовъ. Такъ было въ Индіи, такъ появились пещерныя церкви Сиріи и Палестины, передѣланныя изъ пещеръ руками христіанскихъ пустынниковъ.

¹⁾ Гр. А. С. Уваровъ, Мегалитическіе памятники въ Россіи, — Древности. Труды Моск. Археол. Общ. VI, 270.

Болѣе специальное назначеніе имѣли курганы, tumuli. Такъ называются конусообразныя земляныя насыпи, покрывавшія могилы похороненныхъ подъ ними покойниковъ и служившія кромѣ того мѣстомъ для религіозныхъ церемоній. Происхожденіе кургановъ относится къ отдаленному доисторическому періоду жизни человѣчества и граничитъ съ первыми проблесками культуры и съ зародышами погребальной практики. Историческія извѣстія о курганахъ значительно опоздали противъ первыхъ опытовъ этого рода сооружений и относятся къ историческому періоду человѣчества. Я не буду вдаваться въ подробное описаніе строенія и назначенія древнихъ кургановъ, ни останавливаться на религіозныхъ обрядахъ, которыхъ они были свидѣтелями; ограничусь лишь общимъ замѣчаніемъ, что могилы были древнѣйшими центрами культа и предупреждали собою появленіе специально молитвенныхъ зданій, или храмовыхъ построекъ. Многіе изъ кургановъ, разрытыхъ въ средней Европѣ и въ предѣлахъ южной Россіи, судя по открытымъ въ нихъ предметамъ домашняго быта, положеннымъ вмѣстѣ съ покойникомъ, принадлежали такъ называемому каменному періоду и появились повидимому въ ту эпоху, когда человѣкъ еще не зналъ употребленія металловъ, обходился одними орудіями изъ камня или кости. Въ исторіи храма могильныя сооружения, какъ древнѣйшіе центры культа, занимаютъ видное мѣсто и со стороны архитектурической. Мы увидимъ впослѣдствіи подражаніе формамъ tumulus'a въ архитектурныхъ постройкахъ позднѣйшаго времени и примѣненіе ихъ къ устройству храмовъ.

Къ первобытнымъ сооружениямъ того же религіозно-обрядоваго типа принадлежатъ еще такъ называемые *кельтскіе* или *друидическіе* памятники. Но употребляя это названіе, я долженъ оговориться, что оно не точно и, если доселѣ еще не изгнано изъ книжнаго языка, то лишь въ силу давности и благодаря привычкѣ. Кельтскіе памятники явились съ этимъ названіемъ благодаря тѣмъ ученымъ, которые впервые изслѣдовали ихъ въ средней Европѣ и приурочили къ народности кельтовъ и къ ихъ религіи друидизма. Теперь найдено, что друидическіе памятники принадлежатъ чуть ли не всей Европѣ, встрѣчаются въ Африкѣ, въ Новомъ Свѣтѣ, а при дальнѣйшихъ изысканіяхъ обѣщаютъ сдѣлаться достояніемъ

всего міра. Поэтому вопросъ о народности древнихъ строителей, такъ называемыхъ, не точно, кельтскихъ сооружений теряетъ свою силу и долженъ быть рѣшенъ согласно съ историческими и этнологическими данными той страны, которой принадлежать эти памятники. Самыя ихъ названія: дольмены, менгиры или пѣльваны, кромлехи обязаны условному языку изслѣдователей и заимствованы изъ стараго кельтскаго языка ¹⁾.

Дольмены, или каменные столы, сложены изъ огромныхъ неотесанныхъ камней и имѣютъ видъ стола, верхняя доска которая лежитъ на 2-хъ, 3-хъ или 4-хъ каменныхъ плитахъ, поставленныхъ ребромъ. Доска эта иногда лежитъ наклонно и покрыта бороздками для стока жертвенной крови и возлѣній. Иногда камни бываютъ покрыты письменами и грубыми рельефами, что даетъ понятіе о проблескахъ эстетическаго чувства у первобытныхъ насельниковъ данной мѣстности. Иногда же дольмены бываютъ сложены изъ цѣлаго ряда каменныхъ глыбъ, расположенныхъ въ видѣ стѣнокъ, покрытыхъ сверху и представляющихъ какъ бы камеру или галлерею. Какое назначеніе имѣли дольмены? На этотъ вопросъ являются два рѣшенія и съ одинаковымъ правомъ. Одни считаютъ ихъ остатками первобытныхъ жертвенниковъ, другіе—могильными ящиками и гробницами, въ которыя клали умершихъ. Но для насъ въ данномъ случаѣ имѣть большой важности, на какой сторонѣ останется первенство, потому что, оставивъ за ними и специально-погребальное назначеніе, мы должны будемъ отнести ихъ къ разряду культовыхъ памятниковъ. Положительно доказано, что обрядъ погребенія составлялъ одну изъ самыхъ раннихъ формъ культа, во все времена тѣснымъ образомъ связывался съ религіозными обрядами,—и на мѣстахъ погребенія всего чаще приносили жертвы. Раскопки, сдѣланныя въ недавнее время въ Крыму, показали, что подъ грудой камней лежали кости. Иногда же подъ покрывкою, какъ бы въ ящикѣ, открывали костякъ, въ полу-лежащемъ положеніи, прислоненнымъ къ стѣнкѣ.

¹⁾ Dolmen=dol—камень, таеп—столъ; menhir=таеп—камень, hir—длинный; cromlech=crom—очертаніе, окружность, lech—мѣсто. Названія составлены изъ словъ кельтскаго языка ученымъ Водэномъ (Vaudin),—Древности. Труд. Моск. Арх. Общ. VI, 271.

дольмена, какъ бы сидя. На основаніи одного древняго объясненія, это положеніе давали погребеннымъ по аналогіи съ положеніемъ младенца въ утробѣ матери, а умершіе, по представленію древнихъ, сходили въ землю какъ бы въ лоно общей матери—природы. Значить, дольмены въ первобытную эпоху служили вмѣсто гробовъ, куда клали покойника, какъ въ ящикъ, и съ тѣхъ поръ въ этомъ сидячемъ положеніи сохранились скелеты.

Менгиры или *пѣльваны* имѣютъ видъ болѣе или менѣе высокаго столба, сложеннаго изъ камней. Вершина его иногда представляетъ суженіе или расширеніе, и весь камень въ поствѣдномъ случаѣ получаетъ видъ опрокинутаго обелиска. Иногда пѣльваны покрыты надписями и изображеніями, но чаще не имѣютъ никакой отдѣлки и представляютъ грубую массу нагроможденныхъ камней (глыбъ). И до сихъ поръ не рѣшено положительно, какое назначеніе имѣли памятники. Одни полагаютъ, что это были могильныя сооруженія, другія—что это были грубые изображенія идоловъ, подобныя каменнымъ бабамъ, находимымъ въ южной полосѣ Россіи. Но что бы они ни означали, ихъ религіозное назначеніе не подвержено никакому сомнѣнію. Что около нихъ были приносимы жертвы, на это указываютъ находимыя около нихъ въ небольшихъ вырытыхъ ямахъ кости, уголь и зола. Очевидно, это остатки производившихся здѣсь жертвоприношеній, а можетъ быть и остатки человѣческихъ жертвъ, которыя были приносимы на мѣстѣ кнѣихъ-либо замѣчательныхъ событій или въблизи кладбищъ. — Соединеніе нѣсколькихъ пѣльвановъ, расположенныхъ въ формѣ круга или эллипсиса, составляетъ такъ называемыя *кромлехи*. Кромлехи принадлежатъ къ числу древнихъ памятниковъ, оставленныхъ аборигенами средней Европы, и отмѣчены опредѣленнымъ религіознымъ характеромъ. Кромлехи суть не что иное, какъ священная ограда, обозначающая мѣсто, избранное для жертвоприношенія и посвященное какому-либо божеству. Это назначеніе ясно видно изъ того, что по срединѣ кромлеха иногда находится дольмень, какъ жертвенникъ. Кромлехъ, такимъ образомъ, болѣе сложная, болѣе обставленная форма древняго жертвенника, близко граничащая съ эпохою появленія храмовъ въ видѣ огороженныхъ или обсаженныхъ деревьями пространствъ, имѣвшихъ религіозно-культовое

назначеніе. Миссіонеръ Ласфито, посѣщавшій сѣверную Америку, говоритъ, что видѣлъ въ Индѣйской Виргиніи храмъ, устроенный въ видѣ подобнаго кольца или пояса, уставленнаго каменными столбами. — Въ заключеніе упомяну еще объ одномъ оригинальномъ родѣ памятниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ каменныхъ бабъ. Сооруженія, извѣстныя подъ этимъ названіемъ, представляютъ изъ себя иногда простые обрубки камня съ поставленною наверху ихъ человѣческую голову, чаще же имѣютъ видъ человѣческой фигуры полуобнаженной или вовсе голой съ уродливыми очертаніями, говорящими объ отсутствіи вкуса и крайней бѣдности техническихъ средствъ, которыми располагали ихъ строители. Каменными бабами покрыто пространство отъ верховьевъ Енисея до устьевъ Дуная и Чернаго моря. Довольно попадается ихъ въ Екатеринославской и Херсонской губерніи, гдѣ онѣ встрѣчаются десятками, но все больше и больше исчезаютъ отъ истребленія и отъ перевозки въ разные музеи. Въ этихъ грубыхъ изваяніяхъ мы имѣемъ изображенія идоловъ или бюсты покойниковъ, которые были погребены въ ближнихъ курганахъ, и память о которыхъ хотѣли сохранить посредствомъ этихъ грубыхъ статуй. Первоначальная эпоха ихъ возникновенія не обозначена въ исторіи точно такъ же, какъ и первоначальныя идеи, вызвавшія ихъ появленіе: но ихъ жертвенное и религіозное назначеніе въ быту позднѣйшихъ историческихъ племенъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Путешественникъ Рубруквисъ, проѣзжавшій нашимъ южнымъ краемъ въ половинѣ XIII вѣка, обратилъ вниманіе на каменные бабы и былъ свидѣтелемъ связаннаго съ ними религіознаго культа. Съ этими же остатками язычества должны были вести борьбу первые прозелиты христіанства, жившіе уже много, много спустя послѣ первыхъ насельниковъ этого края и строителей этихъ статуй. Новгородская лѣтопись говоритъ о Стефанѣ, Просвѣтителѣ Черномомъ, что онъ научилъ землю зырянъ вѣрѣ Христовой, гдѣ прежде кланялись звѣрямъ, деревьямъ, огню, водѣ и золотой бабѣ ¹⁾.

Оканчивая на этомъ переченьъ религіозныхъ сооружений первобытнаго человѣка, мы должны замѣтить, что сохранив-

¹⁾ П. С. Р. Л. V, 250.

шіеся ихъ представители не всегда относятся къ примитивной порѣ человѣчества, но принадлежать во многихъ случаяхъ историческимъ временамъ. Но и относясь къ этой сравнительно поздней эпохѣ, они обязаны были своимъ происхожденіемъ племенамъ, стоявшимъ на низшей степеніи культуры и представлявшимъ по этому самому близкую аналогію съ бытомъ архаическихъ племенъ. Эта аналогія становится тѣмъ яснѣе, что и у современныхъ дикарей мы встрѣчаемъ подобныя же сооруженія, и ничто не мѣшаетъ видѣть въ нихъ повтореніе того, что существовало цѣлыя вѣка и тысячелѣтія ранѣе ихъ появленія. Дайте ребенку ящикъ съ деревянными кубиками, и онъ сейчасъ же начнетъ строить изъ нихъ дольмены, менгиры и кромлехи. Младенческія племена употребляли вмѣсто игрушечнаго матеріала глыбы, камни, обломки скалъ, но дѣлали въ сущности то же самое. — Человѣкъ развивался не одновременно на великой поверхности своего земного отечества: одни раньше, другіе позже—и вотъ почему въ то время, какъ Италия и Палестина видѣли уже первые опыты христіанскихъ храмовъ съ ихъ типичною архитектурою, въ это же время гдѣ-нибудь въ Индіи или въ средней Европѣ продолжался во всей силѣ языческой культъ съ своею примитивною обстановкою; въ то время, какъ въ Греціи славился Пареопонъ, въ Индіи продолжались пещерныя храмовыя постройки, а гдѣ-нибудь въ болѣе отдаленномъ уголкѣ міра, въ средѣ его многочисленныхъ некультурныхъ племенъ религіозные обряды все еще приурочивались къ дольменамъ, кромлехамъ, курганамъ и другимъ архаическимъ формамъ жертвенника. Не каждый народъ проходилъ черезъ всѣ эти ступени строительной дѣятельности и не отъ cadaго изъ нихъ остались слѣды мегалитическихъ построекъ, но это нисколько не мѣшаетъ принимать эти послѣднія за первичныя, начаточныя формы архитектуры и съ нихъ начинать древнѣйшій періодъ ея существованія. Здѣсь мы имѣемъ передъ глазами и первобытныи строительный матеріалъ въ видѣ валуновъ и необдѣланныхъ каменныхъ массъ, и первобытныя техническія средства, и самую примитивную манеру стройки, кое-гдѣ опредѣлявшуюся самыми первыми и непосредственными идеями символизма. Но въ то же время *мегалитическія* сооруженія и не простыя житейскія постройки,

назначенныя для непрехотливыхъ нуждъ питанія, рожденія и самозащиты: это не юрта или палатка современнаго дикаря, но дѣйствительныя сооруженія, поражающія своею громадною формою и имѣющія какое-то особенное, выходящее изъ обыкновеннаго ряда значеніе. Это значеніе мы, колеблясь, назовемъ культовымъ,—это обстоятельство наложило на нихъ своего рода монументальную печать и обеспечило ихъ долговѣчность. Этимъ принципомъ руководились, напримѣръ, египтяне, которые строили твердыя каменные гробницы, какъ вѣчное жилище для своихъ покойниковъ, между тѣмъ какъ свое обыкновенное жилье строили на скорую руку, и отъ него не осталось и слѣда. Къ такимъ же привилегированнымъ зданіямъ относились и жилища боговъ, то-есть, храмы, какъ это доказываютъ колоссальныя развалины послѣднихъ, сохранившіяся до сихъ поръ и приводящія въ удивленіе каждаго наблюдателя.

Таковы тѣ первобытныя сооруженія, которыя послужили первичною формою храмовыхъ построекъ, и къ которымъ древнѣйшаго періода приурочивать отправленіе своихъ религіозныхъ обрядовъ. Какъ легко видѣть, все они далеко не удовлетворяли идеѣ храма въ позднѣйшемъ установившемся смыслѣ слова. Болѣе полную и организованную форму храма мы встрѣчаемъ въ такъ называемомъ домашнемъ культѣ. Извѣстно, что у древнихъ народовъ, прежде чѣмъ сложится порядокъ культа общественнаго, параднаго, публичнаго, богослуженіе отправлялось въ семьѣ и дома, вслѣдствіе чего самая обстановка домашняго очага получила нѣкоторыя приспособленія и измѣненія согласно съ условіями этого патріархальнаго культа. Точкою отправленія для созданія этой практики послужило почитаніе умершихъ членовъ семьи и родичей подъ именемъ покровителей и защитниковъ семейнаго очага. Обычай хоронить умершихъ въ томъ домѣ, гдѣ они жили, ведетъ свое начало изъ глубокой древности и практиковался на глазахъ исторіи у египтянъ. Сначала домашній культъ группировался около этихъ домашнихъ божествъ, но съ теченіемъ времени все больше и больше расширялся, принимая въ свою среду болѣе извѣстныхъ представителей многочисленнаго цикла, подъ именемъ ларовъ и пенатовъ. Культъ этотъ, общій всемъ народамъ, въ своей наиболѣе развитой формѣ извѣстенъ изъ римской

практики. По словамъ Макровія, каждое семейство въ Римѣ отправляло ежегодно свои домашніе праздники въ честь боговъ покровителей. На этихъ семейныхъ церемоніяхъ передъ своими пенатами глава семейства пользовался древнимъ патриархальнымъ правомъ лица литургическаго или жреца, а семейный очагъ превращался на время въ религиозное учрежденіе, въ особаго рода семейный храмъ. Какъ живо сознавалось въ римскомъ обществѣ это религиозное значеніе отца семейства по отношенію къ членамъ его дома, видно изъ того выраженія, которымъ римская юридическая практика обозначила отношеніе несовершеннолѣтняго сына къ его отцу. „*A sacris patris dimitti*“—вотъ формула, которою римлянинъ обозначилъ отдѣленіе совершеннолѣтняго члена семейства отъ опеки родительской. Равнымъ образомъ и усыновленіе кого-либо выражалось терминомъ: „*obstringi sacris patris, a quo adoptebatur*“. Считаю излишнимъ замѣчать, что домашній культъ римлянъ нисколько не исключалъ общественныхъ центровъ богослуженія и публичныхъ религиозныхъ обрядовъ, которые были строго опредѣлены закономъ и имѣли прочно сложившуюся іерархію. Обычай домашняго культа шелъ рядомъ съ нимъ и былъ отголоскомъ древнѣйшей практики, общей всѣмъ патриархальнымъ народамъ и нѣкогда во всей силѣ державшейся у римлянъ. Важнѣйшая сторона этого культа при всемъ разнообразіи обрядовыхъ подробностей, вносимыхъ каждымъ семейнымъ кружкомъ, можетъ быть представлена въ слѣдующихъ общихъ формахъ. Древніе отводили въ своихъ домахъ особенныя помѣщенія для семейныхъ боговъ и въ этихъ-то молельняхъ справляли въ честь ихъ религиозные обряды. Эти помѣщенія находились во внутренней части дома, откуда и сами боги домашняго цикла получили названіе: *penates*, отъ *penitus-penitior, dii penetrales*. Изображенія ихъ хранились въ особенныхъ ящичкахъ или ковчегахъ; къ послѣднимъ иногда придѣлывались дверцы, которыя хозяинъ въ случаѣ нужды могъ отворять и затворять,—вещь похожая на наши кіоты и божницы. Такъ какъ домашній культъ былъ въ древности очень распространенъ, то существовать особый цехъ ремесленниковъ, которые занимались приготовленіемъ этихъ ковчежцевъ. Къ такого рода ремесленникамъ принадлежалъ и упоминаемый въ Дѣянїяхъ апостольскихъ Димитрій ере-

броковачъ, который занимался приготовленіемъ серебряныхъ ящичковъ для изваяній Артемиды Ефесской, культъ которой былъ очень распространенъ въ Малой Азіи. Эту домашнюю святыню ставили на столъ или треножникъ, противъ котораго помѣщался жертвенникъ, а на этомъ послѣднемъ приносились жертвы и дѣлались возліянія.

Въ исторіи языческаго культа эти ковчежцы или кіоты съ домашнею святынею имѣютъ то важное значеніе, что составляютъ переходъ къ устройству постоянныхъ храмовъ или учрежденію общественнаго культа. Древніе писатели, какъ языческіе, такъ и христіанскіе, много говорятъ о повозкахъ или колесницахъ, на которыхъ возили изображенія боговъ. Они приписываютъ введеніе этого обычая то цѣлымъ народамъ, то отдѣльнымъ лицамъ, и хотя подобныя ссылки имѣютъ большую частію легендарный характеръ, но онѣ важны, какъ отголосокъ древняго предапія объ этой давнишней и широко распространенной формѣ культа. Слѣнія Молоха у прор. Амоса, *καὶ ζευγυφορέμενοι* у Евсевія составляютъ то же самое явленіе, только болѣе развитое и богаче прежняго обставленное. Исторія и археологическіе памятники свидѣтельствуютъ, что употребленіе священныхъ колесницъ съ изображеніями составляло существенную принадлежность всѣхъ древнихъ религій, имѣло мѣсто въ практикѣ египтянъ и финикянъ. Въ позднѣйшія времена у грековъ и римлянъ они носили названіе подвижныхъ храмовъ, „*templa gestatoria*“, и употреблялись въ культѣ наиболѣе извѣстныхъ боговъ, считавшихся покровителями и охранителями цѣлыхъ мѣстностей. Такъ въ Римѣ возили на колесницѣ изображеніе богини *Τύχη*, или Фортуны, покровительницы города, а въ Греціи такимъ же почетомъ пользовалась статуя Паллады. Повозка съ ея изображеніемъ, въ сопровожденіи цѣлой толпы народа, двигалась въ торжественной процессіи по Аѳинамъ, пока не достигала р. Инаха, гдѣ ее вмѣстѣ съ колесницею погружали въ воду,—затѣмъ этою водою кропили дома и городскія зданія.

Устройство постоянныхъ храмовъ, какъ определенныхъ центровъ богослуженія, не отдѣляется отъ культовыхъ сооружений первобытнаго человѣка какою-нибудь рѣзкою пограничною чертою, но тѣсно соприкасается съ ними. Храмъ, какъ жилище божества, есть дальнѣйшее развитіе того по-

нятія, какое заключалось въ идеѣ арханческаго жертвенника, и есть болѣе полное и широкое удовлетвореніе той потребности заключить, привязать, укрѣпить за собою божество, которую человѣкъ всегда сознавалъ и пытался осуществить вѣнѣшимъ образомъ. Кромлехъ или открытая каменная ограда—вотъ, по моему мнѣнію, прототипъ древняго храма и первый шагъ, сдѣланный человѣкомъ на переходномъ пути отъ жертвенника къ сооруженіямъ болѣе сложнаго храмоваго характера. Такъ какъ громадное разстояніе времени отдѣляетъ насъ отъ эпохи построенія первобытныхъ храмовъ, то понятно, что ни одинъ изъ нихъ не увидѣлъ до насъ въ полномъ видѣ, и мы можемъ теперь судить о нихъ болѣе или менѣе предположительно на основаніи остатковъ архаическихъ сооруженій, представляющихъ болѣе или менѣе сохранившіяся развалины. Я укажу для знакомства съ этою примитивною архитектурою на остатки большихъ каменныхъ сооруженій въ графствѣ Вильтширъ, къ сѣверу отъ Салисбери, въ Ирландіи. Эти каменные руины называются „стонхенджъ“¹⁾ и имѣютъ видъ 4-хъ concentрическихъ круговъ, сложенныхъ изъ стоячихъ камней, соединенныхъ вверху на всемъ протяженіи круга архитравами или балками. Въ центрѣ средняго круга находится большая каменная плита, болѣе чѣмъ на половину вросшая въ землю, и эту плиту многіе изъ археологовъ принимаютъ за остатокъ жертвенника. Болѣе простая конструкція ограждалась проведеніемъ одного ряда, то-есть, устройствомъ ограды, которую отмѣчалось избранное для богослуженія мѣсто и выдѣлялось изъ ряда другихъ, какъ особенное, святое, назначенное служить мѣстопребываніемъ божества. Поэтому первобытные храмы имѣли ту архитектурную особенность, что устраивались безъ кровли и оставались сверху открытыми. Указаніе на эту особенность храмоваго устройства можно находить въ самомъ названіи *templum*, которое происходитъ отъ древне-латинскаго глагола *templō*, что значитъ *смотрю, наблюдаю*. Этимологическое значеніе этого слова показываетъ, что храмы, по представленію древнихъ,

¹⁾ См. рис. у *Müller und Mothes*, *Illustriertes archäolog. Wörterbuch*, 1878, s. 578; переставриванный видъ его у *Ранке*, *Человѣкъ*, т. II, стр. 615. См. *Kugler*, *Handbuch der Kunstgeschichte*, Stuttgart. 1872, I, s. 4—5.

были мѣстами открытыми, откуда взглядъ простирался на все стороны и безпрепятственно могъ быть обращенъ на небо, гдѣ находились свѣтила небесныя, а эти свѣтила служили, какъ извѣстно, божествами астральнаго культа. Къ этому же заключенію приводитъ и другая болѣе обыкновенная этимологія этого слова, имѣющаго одинъ общій корень съ греческимъ *τέμενος*. *Τέμενος* въ своемъ первоначальномъ значеніи означаетъ всякое пространство—отдѣленное, отграниченное (отъ *τέμνω*), а отсюда, далѣе, опредѣленное для извѣстнаго назначенія. Частіе подъ словомъ *τέμενος* разумѣли часть земли или извѣстное пространство, отдѣленное для религіозныхъ дѣйствій, совершавшихся авгурами, а также очерченную жезломъ авгуровъ часть неба, на которой они наблюдали за полетомъ птицъ и производили свои гаданія. Еще частіе стали придавать это названіе храму въ его простѣйшей формѣ, указывая такимъ образомъ на его наружный видъ, какъ на мѣсто обнесенное оградой или обсаженное деревьями. Внутри ограды помѣщался жертвенникъ съ изваяніемъ идола, и къ нему-то сходился народъ для совершенія религіозныхъ обрядовъ. Древне-германскія названія храма, по объясненію Гримма въ его *Deutsche Mythologie*, имѣютъ корень въ словахъ, обозначающихъ лѣсъ, что, конечно, имѣетъ свое основаніе въ обычаяхъ древнихъ германцевъ приносить свои жертвы въ лѣсахъ и священныхъ рощахъ подъ тѣнью вѣтвистыхъ дубовъ. Если такія открытыя пространства были вначалѣ сборными пунктами культа въ извѣстномъ племени или общинѣ, то не мудрено, что и въ позднѣйшихъ храмовыхъ постройкахъ повторялся тотъ же типъ и выражались древнѣйшія культовые преданія. Впрочемъ, символическія ли или простыя практическія соображенія вызвали такое устройство храмовъ, нѣтъ сомнѣнія; что оно имѣло мѣсто въ первобытной архитектурѣ и оставило слѣды въ историческихъ памятникахъ. Напримѣръ, знаменитый Карнакскій храмъ въ Египтѣ не имѣетъ покрытія въ большей части своей площади: крыша устроена только надъ святилищемъ и прилежащими къ нему залами. Вѣроятно, сначала стали покрывать мѣсто, гдѣ стояла статуя бога, и гдѣ отправлялъ обряды жрецъ, остальное же пространство оставалось открытымъ: въ базиликахъ и древнихъ христіанскихъ храмахъ дворъ сохранилъ эту особен-

ность до сравнительно поздняго времени. У Чампини, въ его *Vetera monimenta* представленъ планъ такого зданія. Фасадъ храма въ этомъ рисункѣ имѣеть видъ четырехугольника, обнесеннаго со всѣхъ сторонъ стѣною. Въ одной изъ нихъ четырехугольный пролетъ, ведущій во внутренность ограды и очевидно служащій дверью. Нигдѣ не видно слѣдовъ свода или суженія и никакихъ намековъ на крышу. При такомъ устройствѣ становятся излишними всякія отверстія сбоку для пропуску свѣта. Боковыя окна являются уже впоследствии; даже и тогда, какъ стали выводить крышу сводомъ, зданіе освѣщалось не боковыми окнами, а сверху посредствомъ отверстия, которое оставляли въ центрѣ купола. Въ этомъ родѣ устроенъ былъ Пантеонъ и храмъ Ромула. Но это уже постройки позднѣйшаго времени. Переходя теперь отъ этихъ подготовительныхъ основныхъ формъ къ архитектурнымъ сооруженіямъ, осуществившимъ въ болѣе полномъ видѣ идею храма, какъ святилища, то-есть, опредѣленнаго средоточія культа, мы должны сдѣлать напередъ одно замѣчаніе, что эти позднѣйшія, болѣе послѣдовательно проведенныя храмовыя формы, въ существѣ дѣла отправляются отъ древнѣйшихъ, разрабатываютъ и развиваютъ ихъ въ болѣе или менѣе законченныхъ сооруженіяхъ. Такъ одніе изъ нихъ подражаютъ принятой тамъ или здѣсь формѣ жилья, другія отправляются отъ могильной насыпи, иныя представляютъ дальнѣйшую разработку пещеръ. Индусскіе храмы принадлежать къ двумъ послѣднимъ типамъ и представляютъ весьма любопытное явленіе въ области древнѣйшей храмовой архитектуры.

Первоначальная религія индусовъ—браманизмъ, какъ извѣстно, отличалась пантеистическимъ характеромъ и представляла верховное существо, Брамму, въ видѣ мірового духа, проявляющаго себя въ воплощеніяхъ, результатомъ которыхъ является индусская троица, Тримурти. Въ этого момента воплощеній—божество неуловимо и неизобразимо; оно есть проникающая вселенную и живущая въ ней духовная міровая сила, ускользающая отъ всякаго ограниченія и опредѣленія будетъ ли то ограниченіе мѣстное, или опредѣленіе теоретически-логическое. Представляя себѣ верховное существо въ формахъ абсолютнаго бытія, индусъ переносилъ на него идею необъятности и разнообразія силъ природы и отожде-

ствляяль послѣднюю съ первымъ. Само собою понятно, такая реформа религiи не благопрiятствуетъ искусству и развитiю храмовой архитектуры. Эта послѣдняя получаетъ у индусовъ права гражданства съ того времени, какъ идеальное представленiе божества замѣнилось въ буддизмѣ реальнымъ, антропоморфическимъ и дало новое направленiе искусству и набожности. За три столѣтiя до Рождества Христова, благодаря энергичнымъ усилiямъ царя Асоки, ученiе Будды сдѣлалось государственною религiею индусовъ и съ этимъ переворотомъ связываются первые типичные памятники индусской архитектуры. И любопытно, что самые раннiе изъ нихъ связываются съ именемъ Будды и тѣснымъ образомъ примыкають къ его памяти. По смерти Будды его тѣло было раздѣлено, какъ говорятъ индусскiя легенды, на восемь частей и погребено въ восьми мѣстахъ, подъ восемью могильными курганами (ступами, топами). Затѣмъ, уже при царѣ Асокѣ, семь изъ этихъ реликвiй были вынуты и подвергнуты новому дѣленiю, такъ что составилось 84 тысяччи частичекъ, которыя были положены въ драгоценные ковчегцы и разосланы по всѣмъ, даже маленькимъ городамъ царства. Чтобы сохранить память о первомъ могильномъ помѣщенiи восьми реликвiй Будды, каждый изъ этихъ ковчегцевъ былъ поставленъ подъ ступу. Отъ этого-то могильнаго кургана, превратившагося затѣмъ въ круглую каменную башенку, и ведутъ свое начало первые буддiйскiе храмы. Для насъ они важны не по своей легендарной основѣ, которую можно принять и не принять безъ важныхъ послѣдствiй для научнаго вывода, а по отношенiю къ той основной формѣ, какую они взяли за точку отправленiя. А эта форма *tumulus'a* говоритъ намъ о силѣ влiянiя, которое имѣли могильныя сооруженiя на выработку архитектурической формы до-христанскаго храма и на ея дальнѣйшее проведенiе. И, дѣйствительно, въ различныхъ мѣстахъ Остъ-Индiи попадаются большое число храмовъ, обработанныхъ въ видѣ большихъ кургановъ. Наилучше сохранившимся памятникомъ этого рода служить храмъ въ Бгильзѣ, описанный Фергюссономъ и Лассеномъ. Онъ имѣетъ видъ массивной постройки на кругломъ фундаментѣ, выведенной конически, въ видѣ кургана или насыпной могилы. Высота его—54 фута, поперечникъ фундамента—около 120 футовъ; во-

кругъ него идетъ крытая галлерей, а снаружи вся эта постройка обведена каменнымъ заборомъ, представляя изъ себя какъ бы загороженный стогъ сѣна. Четверо воротъ, расположенныхъ въ направленіи четырехъ странъ свѣта, ведутъ въ зданіе и замѣчательны по своей скульптурной отдѣлкѣ. Передъ сѣвернымъ и южнымъ входомъ возвышаются двѣ колонны въ 33 ф. высоты ¹⁾. Если отнять пристройки, то въ храмѣ Бгильза мы будемъ имѣть точную копию *tumulus'a*, который, какъ нельзя лучше, соотвѣтствовалъ представленію индусовъ о непрочности всего земного, для котораго символомъ служилъ—мыльный пузырь. Чтобы закончить съ формою топъ, скажемъ, что эти памятники были строены изъ обожженной глины, какъ и теперь строится большинство зданій въ средней Азии и Индіи, и облицованы известкою. Размѣръ ихъ очень различенъ: есть имѣющія болѣе 200 футовъ высоты.

Другая не менѣе распространенная форма индусскихъ храмовъ пошла отъ пещерныхъ сооруженій и беретъ эти послѣднія за исходную точку. Первобытный человѣкъ при устройствѣ какъ своихъ жилищъ, такъ и помѣщеній для своего бога, прибѣгалъ всегда къ средствамъ, которыя находились у него подъ руками, и безъ дальнихъ околичностей приспособлялъ къ этой цѣли то, что давала ему природа. Но человѣкъ древнѣйшаго періода, жившій въ горныхъ мѣстностяхъ, былъ по необходимости троглодитомъ, то есть, пользовался для житія естественными пещерами и гротами и старался эти экскаваціи примѣнить къ непрехотливымъ условіямъ своего домашняго быта. Если пещера была защищена отъ вѣтра и нелегко доступна для звѣрей, имѣла входъ открытый на югъ, такъ что получала довольно тепла и свѣта, этого было достаточно для обращенія такой пещеры въ жилье. Впослѣдствіи человѣкъ сталъ готовить пещеры искусственно, расширяя готовыя или пробивая новыя въ мягкихъ горныхъ слояхъ, напримѣръ, въ песчаникѣ. Такими пещерами богаты наши Крымъ и Закавказье, гдѣ сохранились самыя разнообразныя формы пещерныхъ жилищъ, обработанныхъ рукою человѣка. Подобно тому, что мы можемъ въ мнѣиатурныхъ сравни-

¹⁾ *Veisъ*, *Внѣшній бытъ народовъ*, М. 1873, I, 1, 355—356; сл. *Kugler*, *Handbuch der Kunstgeschichte*, I, 308.

тельно размѣрахъ изучать у себя дома, представляютъ гигантскія доисторическія пещеры Индiи и такія формы ихъ, какъ знаменитая Ментонская пещера съ найденнымъ въ ней скелетомъ и бытовыми остатками первобытнаго человѣка. Древнѣйшiя приспособленiя пещеръ къ устройству большихъ храмовъ мы находимъ въ Индiи и Египтѣ, но если отъ этихъ архаическихъ колоссальныхъ формъ перейти къ позднѣйшимъ, то мы найдемъ, что ими наполнена большая часть горныхъ странъ Европы, и къ этимъ памятникамъ уже давно обратилась исторiя церковной архитектуры, какъ къ одному изъ весьма важныхъ своихъ источниковъ. Древнѣйшiя изъ этихъ сооружений въ Индiи находятся на лѣвомъ берегу рѣки Фалгусъ, притока Ганга. Они вырублены въ очень твердой скалѣ и хорошо отдѣланы. Общая ихъ форма—это рядъ низкихъ галлерей, суживающихся къверху сводообразно. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ находится вырубленное полукруглое углубленiе въ видѣ ниши, и въ этомъ выступѣ иногда помѣщается каменное возвышенiе въ видѣ *tumulus'a* въ память Будды. Вторая группа лежитъ въ Ориссѣ на Удаяпурѣ или „горѣ солнечнаго восхода“. Она представляетъ болѣе сложную систему пещерныхъ сооружений и отличается соединенiемъ галлерей съ подземными комнатами. Пещеры болѣе крушнихъ размѣровъ имѣютъ передъ собою балконы или галлерей, опирающiяся на столбахъ (въ ширину отъ 6-ти до 10 футовъ). Изъ этого портика открывается ходъ въ главную внутреннюю пещеру, размѣры которой въ той или другой мѣстности различны. Самая большая имѣетъ 56 футовъ въ длину и по сторонамъ двѣ меньшiя, отдѣляемая отъ главной двумя или тремя колонами при входѣ. Стѣны этихъ подземелiй украшены иногда барельефами, изображающими военныя сцены, чудовищныя фигуры, растительныя формы, а иногда и браманскихъ боговъ.—Связь подземныхъ храмовъ съ позднѣйшею церковною архитектурою не можетъ подлежать никакому сомнѣнiю. Тутъ возможны два способа примѣненiя: первый—въ широкихъ размѣрахъ, когда подземное пространство прорѣзывалось въ разныхъ направленiяхъ широкими галлереями, которыя разбѣгаются въ стороны въ видѣ сѣти, или второй—въ размѣрахъ небольшихъ, когда естественная пещера или искусственно обработанная экскавациа примѣнялась къ бого-

служебнымъ цѣлямъ и обращалась въ храмъ. Образцомъ первой системы служатъ катакомбы, о которыхъ мы будемъ говорить подробно далѣе, а второй—весьма многіе случаи обращенія въ христіанскія церкви отдѣльныхъ пещеръ или искусственная обработка ихъ для этой цѣли. Чтобы познаться съ этимъ послѣднимъ родомъ памятниковъ, приведу одно любопытное извѣстіе изъ жизни Саввы Освященнаго, передаваемое біографомъ его, Кирилломъ Синеопольскимъ. Извѣстно, что лавра Саввы Освященнаго находилась близъ Іерусалима, и ея первые насельники, не имѣя правильнаго общежитія, устраивали для себя скитки и монастыри по близости главнаго центра, заправляемаго Саввою, и селились группами. „Въ одну ночь блаженный Савва вышелъ изъ своей пещеры и направился къ находившемуся недалеко потоку съ гнѣимъ псалмовъ. И вотъ на западномъ утѣсѣ ручья виднѣть оный огненный столпъ, опирающійся на землю, а вершиною касающійся неба. Подошедши къ этому мѣсту, оный нашель здѣсь большую и удивительную пещеру, какъ бы самую природою обработанную въ видѣ церкви: на восточной ея стѣнѣ находится выступъ (*κόρυνη*), съ сѣверной стороны отдѣленіе, похожее на діаконикъ, а съ юга широкій входъ, достаточно освѣщенный проникающими сюда солнечными лучами“. Такимъ образомъ пещера была обращена устьемъ къ югу, на солнечную сторону—черта, которая замѣчается очень часто въ пещерныхъ жилищахъ и служила однимъ изъ условій пригодности самой пещеры. „Приведши въ порядокъ и очистивши съ Божіею помощію эту пещеру, оный положилъ совершать въ ней по субботамъ и воскресеньямъ обычное правило“ 1). Наши старинные паломники любили посѣщать эту пещеру, и вотъ какъ отзывался о ней игуменъ Даниилъ: „есть къ западу отъ потока подъ скалою пещера каменная; въ той пещерѣ церковь Пресвятыя Богородицы, и ту пещеру показа ему Богъ столпомъ огненнымъ“ 2). Наши Кіевскія пещеры, Инкерманскія въ Крыму и Кавказскія, обработанныя въ видѣ церквей, принадлежатъ къ этому типу.

Подражаніе въ устройствѣ храмовъ типу обыкновеннаго

1) Сл. Прибавл. къ изд. творр. св. отцевъ, 1884, ч. 34, стр. 468, прим. а. Тутъ же и о превращенія другой пещеры изъ жилья въ церковь.

2) Пал. Сборн. т. I вып. 3, стр. 54.

человѣческаго жилища находятъ себѣ подтвержденіе въ отзывѣхъ древнихъ писателей о божницахъ и храмахъ у разныхъ народовъ. Жилище человѣка во всякомъ случаѣ было лучшимъ изъ всѣхъ помѣщеній, назначенныхъ для обитаія. На приспособленіи этого помѣщенія къ удобствамъ человѣка выразилось все искусство, вся сила изобрѣтательности первобытныхъ людей, и для водворенія божества они не могли придумать ничего лучшаго, какъ заимствовать отсюда образецъ храма,—тѣмъ болѣе что божество, по ихъ представленію было одарено потребностями близкими къ человѣческимъ, обладало тѣми же, только лучшими свойствами и стояло въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ быту и нуждамъ человѣка, являясь стражемъ и хозяиномъ его дома и семьи. Археологическихъ памятниковъ этого рода не сохранилось; они сошли съ лица земли вмѣстѣ съ жилищами древняго человѣка, оставивъ слѣдъ въ темныхъ преданіяхъ и нѣсколькихъ отрывочныхъ извѣстіяхъ древнихъ писателей: но путешественники и миссіонеры до сихъ поръ открываютъ у современныхъ дикарей такіе храмы, почти ничѣмъ не отличающіеся отъ обыкновенныхъ жилищъ. Шалашъ, хата, сакия, землянка, деревянное или каменное строеніе — вотъ помѣщенія, которыя человѣкъ низшей культуры отдавалъ для жилища божеству, и которыя онъ отдѣлывалъ и украшалъ, окружалъ тою же обстановкою, какъ и свои собственные помѣщенія. Принося ему въ жертву стрѣлы и копья, лучшія части убитыхъ животныхъ, человѣкъ — звѣроловъ обставлялъ божницу тѣми же предметами убранства и продовольствія, которые составляли лучшее украшеніе его собственнаго жилища. Человѣкъ болѣе культурный измѣнялъ эту обстановку согласно съ условіями своего быта, но въ общемъ оставался вѣренъ той мысли, что божество есть нѣчто весьма близкое къ нему по своему положенію, потребностямъ и по участию въ ближайшихъ интересахъ его неприхотливой жизни.

Въ сравненіи со всѣми этими сооруженіями греко-римская архитектура представляетъ широкій шагъ впередъ и вмѣстѣ выработанный типъ зодчества. Грекъ въ созданіяхъ своего искусства идеализовалъ природу и, отираясь отъ извѣстныхъ ея формъ, перерабатывалъ послѣднія, давалъ имъ то, что называется художественною формою,—стбитъ,

напримѣръ, сопоставить стволъ дерева и колонны различныхъ орденонъ. Та же художественная переработка проявляется и въ конценціи цѣлаго архитектурнаго зданія, положимъ храма. Приравнивать его къ какой-либо примитивной формѣ жилья, къ какимъ-нибудь зауряднымъ житейскимъ образцамъ, конечно, нельзя. Связь съ ними уже такъ далекѣ, что проводить ее послѣдовательно было бы крупною натяжкой. Можно утверждать только то, что античный міръ унаслѣдовалъ представленіе о храмѣ, какъ о домѣ божества, и старался заключить послѣднее въ особо устроенномъ для него помѣщеніи, которое было отведено ему въ особой комнаткѣ или *cella*, находившейся внутри храма. Затѣмъ окружающія его колоннады, портикъ съ фронтономъ, богатая скульптурная украшенія на наружныхъ фасадахъ, а иногда и живопись—все это уже носитъ печать художественной отдѣлки, составляетъ трудъ мысли и богатаго образованія.

Въ греко-римскихъ постройкахъ мы имѣемъ три главные типа, характеристика которыхъ необходима для пониманія христіанской храмовой архитектуры. Первый типъ, въ собственномъ смыслѣ храмовой, въ общемъ извѣстенъ; онъ состоитъ изъ фронтона при входѣ и ряда колоннъ. Познакомимся съ его внутреннимъ устройствомъ. Главную часть греческаго храма составляло небольшое отдѣленіе, извѣстное подъ именемъ „*cella*“. Оно собственно назначалось для культовыхъ отправленій и составляло покой или помѣщеніе, гдѣ стояло изваяніе божества съ жертвенникомъ, на которомъ ставились дары и приносились жертвы. Это отдѣленіе находилось обыкновенно въ западной сторонѣ храма и устраивалось нѣсколько выше остального помоста храма и имѣло входъ съ востока; а ближе къ западной стѣнѣ стояло на возвышеніи изображеніе или *ἀγάλμα*. Судя по тому, какъ требовалъ культъ, цѣлла или вплоть закрывалась крышею, или часть ея оставалась открытою. Въ первомъ случаѣ свѣтъ проникалъ черезъ боковыя двери, а когда этого было недостаточно, то посредствомъ особыхъ отверстій, *ὀψαῖον*, сверху, въ крышѣ. Вокругъ цѣллы, которая иногда занимала и центральное положеніе, стояло нѣсколько рядовъ колоннъ, на которыхъ опиралась крыша, со стороны фасада выдававшаяся фронтономъ или трехугольникомъ. Эти портики или галереи изъ колоннъ, окружающія цѣллу, служили мѣстомъ для

народа и иногда имѣли преддверіе или *προπύλαιον*, открытую площадку, которая служила входомъ или папертью. Здѣсь помещались иногда жертвенные століки, на которыхъ клали приношенія. Отличительную особенность греческой архитектуры, какъ въ храмовыхъ постройкахъ, такъ и въ зданіяхъ гражданскаго и бытового характера, составляетъ употребленіе прямыхъ линій. Римляне не много измѣнили этотъ типичный планъ греческаго храма и удержали его главное пространственное дѣленіе. Второй типъ представляютъ храмы съ круглымъ основаніемъ. Ихъ производятъ отъ *tumulus'a* и родникою ихъ считаютъ востокъ. Къ этому роду построекъ принадлежатъ римскіе мавзолеи, термы или бани, а типичнымъ представителемъ—знаменитый пантеонъ. По устройству своему это—ротонда или круглое зданіе, заканчивающееся сверху полусферическимъ, купольнымъ покрытіемъ, въ родѣ того, какъ устраниваются наши цирки и желѣзнодорожныя ротонды для локомотивовъ и вагоновъ. Третій типъ составляютъ такъ называемыя базилики. Это не храмы, а частныя зданія, гдѣ производился судъ, и вели торговлю. Отличительная ихъ черта состоитъ въ удлинённости плана и въ раздѣленіи зданія по длинѣ на нечетное число отдѣленій, такъ называемыхъ нефовъ, рядами колоннъ. Среднее отдѣленіе иногда заканчивалось выступомъ или абсидою.

Этими тремя архитектурическими формами исчерпываются главные типы греко-римскаго зодчества. Какъ отнеслось къ нимъ христіанство, какъ и чѣмъ воспользовалось оно при выработкѣ своихъ церковныхъ стилей и какимъ путемъ произошло развитіе храмовой христіанской архитектуры?

Но, чтобы отвѣчать на эти вопросы, намъ слѣдовало бы перешагнуть черезъ три-четыре первыя столѣтія христіанской эры, потому что только здѣсь мы могли бы встрѣтиться съ памятниками первохристіанскаго зодчества и наблюдать примѣненіе къ церковнымъ сооруженіямъ извѣстныхъ архитектурныхъ законовъ. Но христіанскія религіозныя собранія и первыя зачатки богослуженія, съ которыми должно было сформироваться внутреннее расположеніе молитвенныхъ зданій, были даны гораздо раньше, а потому и исторія христіанскаго храма начинается много прежде появленія типичныхъ образцовъ этого рода и совпадаетъ съ первыми стремленіями новообразовавшейся христіанской общины къ самостоятельности.
